

Фантастическая каббала и ее роль в истории русского оккультизма: великое тайное учение или успешное шарлатанство?

Эти тексты не обращены к простым смертным: Гностическая апперцепция рассчитана на элиту: Ибо, говоря словами Библии, незачем метать жемчуг перед свиньями¹.

*Камаль Жумблатт,
из интервью газете "Ле Жур".*

Твои: манифесты не ясны и не прозрачны. Это утробное урчанье, а прикидывается речью. Сколько народу разбирало эту речь, столько раз находили в ней что хотели: Поэтому тысячи дураков поверят в ваш план, их вера будет крепче меди: Никто не слушал Земмельвайса, когда тот говорил врачам дезинфицировать руки перед тем, как братья за рожениц. Он говорил неинтересно. Люди охотнее верят в лосьоны против лысины. Люди инстинктивно чувствуют, что в таком лосьоне сочетаются взаимоисключающие реальности, что в нем отсутствует логика и отсутствует честность. Но так как им говорили, что Бог загадочен и неизъясним, нелогичность – это именно то качество, которое, по их мнению, приличествует Богу. Нелогичное для них означает – близкое чуду. Вы придумали лосьон против лысин. Мне не нравится, это плохая игрушка².

Умберто Эко. "Маятник Фуко".

Роль эзотерической философии, мистики и оккультизма в русской культуре в последнее время все больше привлекает внимание исследователей-литературоведов. Однако если история спиритуализма в России или мистическая доктрина Елены Блаватской уже достаточно исследованы, Каббала и ее роль в русской культурной истории изучены еще недостаточно. Американские ученые, за небольшим исключением, этой темой серьезно не занимаются. В России же, наоборот, наблюдается повышенный к ней интерес, но интерес этот почти всегда спекулятивный, политический и часто связан с антисемитизмом. Примером такого подхода может служить книга Владимира Острецова, где автор доказывает, что *«своей отравой мертвого символизма и примитивной чувственности Каббала вошла в сердца юношей XVIII века и повлияла на развитие всего дальнейшего устройства России»*³. Острецов утверждает, что в поисках магических тайн масонские писатели Херасков и Лопухин обратились к черной магии древних сионистов, называющих себя великой Белой Расой, цель которой – завоевание всего мира и которая в конце концов и привела Россию *«к революции, развалу и масонскому правлению Ельцина и Чубайса»*. Острецов пытается доказать, что каббалисты считали себя великой тайной расой, обладающей могучим тайным учением, и связывает этот факт с *«известным всему миру желанием евреев обладать мировым господством»*. Для Острецова Каббала приравнивается к магии, причем к негативной – черной магии. Однако, несмотря на то, что среди европейских каббалистических текстов действительно можно встретить и те, что посвящены магии букв и цифр (например, «Шимушей Техилим» – «Применение псалмов в магических целях»), в литературе классической Каббалы, говоря словами известного ученого Гершома Шолема, эти тексты *«играли совершенно подчиненную роль. То, что действительно заслуживает названия Каббалы, имеет очень отдаленное*

¹ Эко, У. "Маятник Фуко". СПб., Симпозиум, 1999, с. 623.

² Там же, с. 640-641.

³ Острецов В. "Масонство, культура и русская история". М., Штрихтон, 1999, с.201.

отношение к магическим методам». В то же время И. Лопухин, яркий деятель новиковского масонства конца XVIII столетия в своей книге «Внутренняя церковь» прямо говорит, что «*Каббала учит человека свету божьему, а самая нижняя жатва злобному духу Антихристову суть упражняющиеся в гнусной ворожбе и гаданиях, алхимии и колдовстве*»⁴. Развивая свои идеи, Острецов достаточно цитирует оригинальные – как он утверждает – каббалистические тексты, которые прямо говорят о превосходстве Белой Расы над всеми другими. Проблема в том, что текст, который цитирует Острецов, появился лет на сто позже возникновения кружка Новикова и на тысячу лет позже подлинных классических текстов еврейской Каббалы. Более того, написан он не евреем, но французом – мистиком и оккультистом начала XIX века, взявшим псевдоним Елифас Леви.

В своей статье я хотела бы рассказать об одной из самых удачных, на мой взгляд, подделок – фантастической Каббале, истории ее развития, начиная с XVI века до начала века XX, и особенно о том влиянии, которое фантастическая – или, как еще говорят, магическая – Каббала имела в культурной среде русского Серебряного века, так как именно каббалистические материалы этой эпохи и сыграли, на мой взгляд, наиглавнейшую роль в создании современного российского мифа о тайном магическом учении евреев.

Слово «Каббала» происходит от ивритского слова, в переводе означающего «традиция». Каббала – еврейская эзотерическая философия, которая сложилась в III-IV вв. новой эры и была развита в XII-XV вв. в Испании и Палестине. Главная идея Каббалы – это идея, что Бог есть по сути ни что иное как сгусток бесконечного света (на иврите зохар). Идея эта питает главную теорию Каббалы – теорию создания мира через свет. Согласно появившейся в Испании в середине XII столетия книге «Зохар», Бог создал мир потоком своей собственной энергии, льющейся на землю в виде бесконечного Божьего света. Свет этот доходил до земли постепенно – не как единый поток, а скорее как цепочка световых импульсов. Каждый новый день творения в Каббале рассматривается как ступенька, как отдельный импульс (на иврите сфира), а сам источник света – Всевышний – как сфира полноты или, как называет ее еврейский средневековый мистик Исаак Лурия, плерома, т.е. сам Бог. Согласно этой теории, первым существом, возникшим из потока света, был Адам Кадмон – «предвечный человек». Библейская история о падении Адама интерпретируется в «Зохаре» аллегорически. «Зохар» говорит, что до падения Адам не был человеком в земном понимании этого слова и выглядел как стеклянный сосуд, наполненный Божьим светом. В момент падения сосуд разбился, и кусочки его разлетелись по всему миру – подобно осколкам троллевого зеркала в сказке Андерсена. С этого момента мир сфирот разделился на две части: на верхний и нижний (прямое отражение верхнего, но с обратным знаком). Сфирот нижнего мира, мира зла, на иврите называются клиппот, что значит скорлупки, шелуха. Главная задача каббалистического учения – через молитву и праведную жизнь вернуть душу мистика в ее небесную обитель, в цельность первоначального человеческого образа, то есть собрать в своей душе как можно больше потерянных осколков, хранящих Божий свет первоначального сосуда.

Каббала утверждает, что молитва чрезвычайно важна для мистической практики, потому что Божий свет Зохар всегда демонстрирует себя в нашем мире через Божье слово – знаменитый Логос, широко известный благодаря первым строкам Евангелия от Иоанна: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*». Согласно мистике Каббалы, в процессе создания мира Бог называл имена предметов и эти абстрактные названия стали реальными предметами в нашем мире. Каждой из двадцати двух букв еврейского алфавита соответствует число. Эти-то буквы и числа и являются магической силой, сотворившей мир. Более ранний, чем «Зохар», каббалистический манускрипт середины VII столетия «Сефер Ецира» утверждает, что сама Тора есть по сути развернутая аллегория имени Бога. Мир сфирот, – говорит одна из глав этой книги, – это сокрытый мир языка, через который Бог обозначил сам себя. Процесс жизни в Боге может истолковываться как процесс речи. Используя слова одного из главнейших специалистов по истории Каббалы израильского философа и историка Гершона Шолема, «*в своей совокупности числа и буквы представляют собой таинственные силы, посредством которых Бог сотворил все сущее. Бог начертал их, вытесал их, поменял местами и посредством их создал всё творение и всё, чему быть сотворенному*»⁵.

⁴ Лопухин И. "Масонские труды". М., Алетейа, 1997.

⁵ Sholem, Gersshom. "Kabbalah", N-Y., 1969, p. 167 (перевод цитат в данной работе принадлежит автору статьи, за исключением случаев, отмеченных звездочкой).

Для десятков последующих поколений «Сефер Ецира» послужила источником лингвистического мистицизма, известного под названием практическая Каббала. Согласно ей, переставляя и меняя буквы в Торе, человек интерпретирует священную книгу, находит в ней новые смыслы и – как следствие – понимает Тору все больше и все больше приближается к Богу. Однако даже в «Сефер Ецира» главная роль отводится все же не лингвистическим перестановкам, а моральному образу жизни (на иврите тиккун, что значит восстановление, цель которого собрать в себе все кусочки потерянного Божьего света). В позднейшей еврейской Каббале мотив тиккун становится центральным. В еврейской философской среде Каббала рассматривается как моральная и этическая философия, цель которой – упрочение связи между Богом, человеком и миром⁶.

В эпоху позднего средневековья и ренессанса, когда интерес к астрологии, магии и алхимии достигает наибольшей высоты, Каббала мало-помалу становится необычайно популярной в христианском мире. Учение о создании реальности через язык, безусловно, не могло не заинтересовать европейских алхимиков и вызывателей духов. В конце XV столетия граф Пико делла Мирандола написал книгу «Conclusions Cabbalisticæ», где впервые обратил внимание на каббалистические учения. Пико был католиком, однако имел хороших друзей-евреев и, как утверждают ученые, неплохо знал иврит. Однако из оригинальной Каббалы Пико и вслед за ним маги и алхимики Возрождения взяли лишь те места, где говорилось о создании мира через язык. В своей версии Каббалы они поставили эту малую часть в центр учения и развили в теорию, которая утверждала, что, манипулируя еврейскими буквами, можно в конце концов найти именно то слово, посредством которого Бог создал некий предмет, и тем самым этот предмет создать. Роль букв как орудия мистического создания реальности – вот что больше всего привлекало в Каббале мыслителей ренессанса. Подобное отношение ясно видно в цитате из книги ученика Пико Иоганна Рейхлина: *«Ради той надобности от ангелов посланы нам буквы, для нас, смертных, изумительные и невиданные, ничто на привычно употребляемом нами языке не значащие, однако, в глубинах нашего разума пробуждающие таинство великое и высочайший восторг»*⁷.

Так как этот тип Каббалы использовался для магических целей, в позднейшей исторической критике он получил название «фантастическая Каббала». В фантастической версии Каббалы абстрактные концепции сфирот и клиппот были заменены на практических ангелов и демонов. Имя Бога (на иврите шемхамефораш), по каббалистической философии состоящее из семидесяти двух букв и позволяющее достичь мистических высот, превратилось в семьдесят два имени ангелов и демонов. Вот как описывает их Рейхлин: *«Злых и добрых духов бесконечное число: настоящие их имена знает только Бог. Много таких имен мы встречаем в Священном Писании, другие имена названы у древних еврейских мудрецов. Все способы открыть имена злых и добрых духов названы нам каббалистами посредством магического вычисления. Вычисление исходит от имени Божьего, имеющего особую силу. Если нужно найти имя ангела, то подыскивают его буквы в графе «добрые» и берут их из рубрики, соотносящейся с планетой этого ангела; если же нужен демон, надо обратиться к графе «злые». В конце же надо прибавить каждому духу имя Бога – эль – что значит «сила», а если отнять его от имени, дух свою силу потеряет: Каждой букве в имени соответствует число. Так Ахмиель – очень могучий дух, потому что его число есть семь, умноженное на священную семерку, итого сорок девять»*⁸.

Маги и алхимики называли Каббалу «великим тайным учением». Однако это «тайное» учение широко пропагандировалось в десятках книг и рукописей, самой известной из которых можно считать произведение XVI века «Ключики Соломона». Книгу эту приписывают царю Соломону, который, согласно распространенным в среде оккультистов верованиям, обладал великими магическими знаниями. К сожалению, ни один древний еврейский текст магических способностей Соломона не подтверждает. Иосиф Флавий упоминает некое «Завещание Соломона», с помощью которого его друг Елизар изгнал бесов в присутствии императора Веспасиана, но не датирует эту книгу. А если учесть, что эпоху, в которую жил Флавий (I – II вв. н.э.), с полным правом можно назвать эпохой зарождения еврейского гностицизма и первых идей Каббалы, возможно, что книга появилась именно в это время. Более того, текст Флавия в целом столь насыщен неверной информацией, что доверять ему довольно трудно.

⁶ Там же, с. 211

⁷ Reichlin, Johathanes. "De Arte Cabbalistica", London, 1957, p. 96.

⁸ Там же, с. 74.

Частое упоминание о тайных способностях Соломона появится гораздо позже – и не в еврейской, а в арабской литературе, в первую очередь в «1001 ночи». В эпоху раннего Возрождения этот свод сказок был чрезвычайно популярен в Европе – и особенно в Италии, у которой были наиболее тесные связи с Востоком. Примечательно, что «Ключики Соломона» появились именно в этот период – то есть где-то в конце XV века. Перевод этой книги с иврита на латынь приписывается некоему раввину Абогназару, однако оригинал древнееврейского текста утерян и непонятно, существовал ли когда-либо. Главным аргументом за то, что никакого оригинала на иврите не было вообще, выступает сам текст книги. Поздние исследователи предполагают, что имя Абогназар суть извращенная форма еврейского имени Абен Езра. Однако совершенно очевидно, что сам Абогназар должен был неплохо знать древнееврейский. Текст же «Ключиков» утверждает прямо противоположное. Большинство «заклинаний» в книге, хоть и написаны еврейскими буквами, являются бессмыслицей, абракадаброй, соединяющей в себе алхимические символы, астрологические знаки, имена демонов и несуществующие псевдоивритские слова. Идея «Ключиков» состоит в том, чтобы научить всех желающих с помощью всего вышеперечисленного делать магические амулеты и пентакли. Один из приводимых книге пентаклей, например, позволяет обрести потерянную привязанность любимой особы. Служит путеводителем к потерянному или украденным предметам, охраняет при длительном морском путешествии и излечивает от водянки⁹.

Такое, мягко скажем, «легкомысленное» обращение с ивритом наводит на мысль, что автор текста скорее всего не был раввином и неизвестно, был ли евреем. Более того, само имя Абогназар ближе вовсе не к еврейскому Абен Езра, а, скорее, к гностическим или магическим именам демонов, например, к гностическому имени демона Аббаказар.

«Ключики Соломона» и подобная им литература успешно сделали свое дело – к концу XVI века Каббала уже стойко ассоциировалась с черной магией, но никак не с этической философией.

В Россию первые знания о Каббале пришли скорее всего через масонство, и первое, с чем познакомились здесь русские масоны, – именно магическая сторона учения. А.Пыпин, один из крупнейших дореволюционных исследователей русского масонства XVIII в., в своих книгах упоминает немецкого пастора Розу, который в 1760-х годах посетил Россию и, выступая в ложе «Счастливого Согласия», утверждал, что знает *«магическое Nominum factio, алхимическое приготовление золота и тайные каббалистические формулы»*. Русский масон середины XVIII в. И.Елагин, в свою очередь, говорит о некоем Станиславе Ели, от которого получил книгу Германа Фиклада *«Cabala Mysticae Naturae»*, откуда узнал, что Каббала суть естественная философия, посвященная познанию души, астралов, небесных духов, стихий, а более всего познанию света Божьего. Великое учение в Каббале составляют буквы и слоги, ибо в буквах живут духи и в каждой букве – начало духа¹⁰.

Однако уже в 80-е годы XVIII в. русское масонство проявляет все меньший интерес к фантастической Каббале. В это время русские масоны знакомятся с трудами богемского мистика Якова Бёме. Г.Шолем говорит о Бёме нижеследующее: *«...нам остается только гадать, каким образом бедный сапожник из богемского городка Герлиц смог угадать или понять так точно основные идеи каббалистического мистицизма»*¹¹.

В мистических произведениях Бёме образы Адама Кадмона и воссоздания целостности духа являются центральными, в то время как магической практике Каббалы автор почти не придает значения. Под влиянием Бёме образ Адама Кадмона становится центральным и в русской масонской символике 80-х годов XVIII в. Масонские идеи моральной Каббалы (особенно идея создания мира через свет и аллегорическая история падения Адама) широко пропагандировались в масонских речах и публикациях того времени, например, в речах видных масонов С. Гамалеи и И. Шварца. В речи, произнесенной на открытии ложи Девкалиона, С. Гамалея говорит, что *«человек должен быть жилищем, наполненным светом Божьим»* и что главное несчастье человека состоит в том, что он *«отделился от Бога, от источника света и пошел за ложными огнями. Ум в таком человеке подобен искре, погребенной в пепле»*¹². Издававшийся московским масонским просветителем Н.

⁹ "The Little Keys of Solomon the King", Boston/London, 1994, p. 37.

¹⁰ Цитата взята из неопубликованного рукописного источника. Частный архив Бориса Кердимуна, Нью-Йорк.

¹¹ Шолем Г. "Основные течения в еврейской мистике". Библиотека Алия, Иерусалим.

¹² Лекции С.Гамалеи в ложе "Девкалион". Цитата взята из неопубликованного рукописного источника. Частный архив Бориса Кердимуна. Нью-Йорк.

Новиковым журнал «Утренний свет» описывает, как произошло *«постепенное отдаление человека от света духа Божьего, который создал вселенную и был концом и началом»*¹³.

Однако, несмотря на просветительскую деятельность новиковского масонства, в широком людском сознании Каббала продолжала ассоциироваться в первую очередь с числовой и буквенной магией. Еще больше усилила эту тенденцию эпоха романтизма, известная своим интересом ко всему магическому и волшебному. Так, Владимир Одоевский в «Русских ночах» говорит о каббалистических знаниях в первую очередь как о знаниях магических, а один из героев пушкинской «Пиковой дамы» спрашивает своего знакомого: *«Как! У тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у нее ее кабалистики?»*. И в эту эпоху, как и в начале XVIII в. столетия, все свои знания о Каббале европейские и русские романтики черпали из пересказов все тех же магических книг XVI и XVII вв., откуда получали каббалистические знания алхимики ренессанса.

Эра модернизма заново возродила интерес ко всему мистическому и оккультному, затихший было в середине XIX столетия. Французский символизм принес, используя слова американского филолога Бернис Розенталь, *«Возрождение и популяризацию магии, алхимии и Каббалы»*¹⁴. Возрождение Каббалы в Европе во многом обязано католическому священнику, взявшему еврейский псевдоним Елифас Леви. Леви не только перевел на французский подлинники книги Агриппы и Рейхлина по магической Каббале, но и написал несколько десятков собственных книг по этой же теме – более «научных» и «современных» по сравнению с «устаревшими» книгами XVI века. Французский интерес к «научной» Каббале быстро перенесся в Россию, где, как говорит Розенталь, *«оккультизм был интегральной частью предреволюционной культуры, которой заинтересовались и художники, и писатели и политические деятели»*.

Модернисты и особенно символисты вернулись к идее о магической созидательной власти слова. А.Рембо в своем знаменитом сонете о власти звуков одним из первых модернистов выдвинул идею, что звуки имеют цвета и могут определять человеческие эмоции. Р.Тименчик подметил, что идеи Рембо откликаются в стихотворении Н.Гумилева «На Венере, ах на Венере», где, согласно поэту, нету слов обидных и властных, так как все говорят языком из одних только гласных¹⁵. Можно даже утверждать, что Гумилев, который был членом масонской ложи и интересовался каббалистической символикой, использовал идею о том, что мир Бога – это мир звуков, а не слов и что именно этот мир потеряли люди после падения Адама: ао и уо – о древнем рае золотое воспоминанье. С Гумилевым перекликается Ф.Сологуб, который говорит в одном из стихотворений: *«Родился бы я на Мадагаскаре, / Говорил бы наречием, где много а, / слагал бы стихи о любовном пожаре, / о нагих красавицах на острове Самоа»*¹⁶. Очевидно, что остров, где в языке много гласных, для Соллогуба – аллегория утраченного рая.

За символистами последовали футуристы, которые провозгласили, что искусство не описывает, но создает. Можно вспомнить слова А.Крученыха *«художник волен выражаться собственным языком, ибо творец индивидуален»*¹⁷. В 1919 году Шкловский прямо сравнивает заумный язык с заклинанием, *«которое кажется нам, непосвященным, бессмысленным набором звуков, а на самом деле несет магическую созидательную силу»*¹⁸. Интерес ко всему магическому принес и интерес ко всему забытому, старому и таинственному. Литературно-художественный журнал «Весы» в 1905 году печатает эссе Г.Мейринка, где автор утверждает, *«что странные, непонятного происхождения вещи, пергаменты, испещренные таинственными знаками, растрепанные рукописи, редчайшие инкунабулы, мрачные толстые гримуары в переплетах из слоновой кожи – они как магнитом притягивают взгляд, устанавливая тайную связь с неведомыми человеку глубинами его собственного Я»*¹⁹.

О распространении интереса к оккультным наукам в России уже много говорилось, в том числе и об интересе к Леви. В начале века на русский язык были переведены практически все книги Леви.

¹³ Пыпин А.Н. "Масонство в России". М., Век, 1997, с.59.

¹⁴ Rosenthal B. "The Occult in Russian and Soviet culture". Cornell University Press, Ithaca, 1997, p. 2.

¹⁵ Цитата взята из лекции Р.Тименчика на кафедре сравнительной литературы в Иерусалимском университете в 1994-95 гг.

¹⁶ Shimid U. "A Symbolist Under Soviet Rule: Sologub's Late Poetry", Slavic and East European Journal, 43, part 4, p. 636-639.

¹⁷ Крученых А. "Пощечина общественному вкусу". В "Утопии", М., 1999.

¹⁸ Шкловский В. "Гамбургский счет", 1991. С.179.

¹⁹ Весы, 1905, вып. 4, с.41.

Этот автор упоминается и В. Брюсовым и Вяч.Ивановым. Ахматова вспоминает, что Гумилев, приезжая гостить в ее имение, часто привозил книги Леви с собой. Л.Гортунг утверждает, что *«Гумилев много читал Елифаса Леви и даже пытался испробовать на себе его каббалистические рекомендации»*²⁰. Говоря о Леви, критики доказывают, что идеи своих книг он черпал из собственных переводов авторов фантастической Каббалы XVI-XVII вв. Однако мало кто задерживал внимание на том факте, что идеи о магической символической власти языка далеко не так сильны и развиты в магической литературе XVI века, как в работах Леви. В «Ключиках Соломона» речь идет не столько об аллегорической власти языка, сколько о власти магических имен: демонов, ангелов и Бога. Идея языкового магического символизма получает полное развитие именно в книгах Леви. Такое ощущение, что все названное у Леви древним тайным знанием на самом деле создано им самим. Это предположение подтверждается и тем фактом, что Леви довольно близко знал французских поэтов-символистов и даже дружил с Бодлером. Более того, в конце жизни Леви написал стихотворение «Correspondances», идеи которого очень тесно переплетаются с идеями одноименного стихотворения Бодлера, написанного несколько позже и ставшего программным для литературной теории символизма. Очевидно, можно утверждать, что идеи Леви развивались параллельно идеям французского символизма, выростали из теории символизма и, в свою очередь, подпитывали ее. Леви действительно переводил старинные книги Каббалы, но его переводы – увы – мало соответствуют подлиннику, уже и так порядком отошедшему от оригинальной философско-мистической Каббалы. Леви изменял эти книги соответственно своей литературно-философской идеологии, параллельной философии символистов; и, следовательно, можно утверждать, что к началу серебряного века не только оккультизм повлиял на символистскую литературу, как уже давно было замечено критиками, но и сама эта литература повлияла на оккультизм.

Именно эта созвучность символизма и теории Леви привела к редкой популярности последнего в России начала XX века. Для русского серебряного века Каббала связывалась в первую очередь с магией. Интерес к магической силе Каббалы и особенно к каббалистическому вызыванию духов отразился в десятках произведений того времени. Яркий пример подобной связи виден в «Огненном ангеле» Брюсова: *«Все демоны могут вступить в общение с людьми: для вызывания демона необходимо знать его имя, характер и заклинание. Многие демоны, беседуя с людьми, сообщали свои имена, например, Асmodelь, Амбриель, Муриель, Зуриель, Ганаель. Но, по мнению исследователей, их можно вычислить и искусственно: из букв еврейских, соответствующих числам небесных знаков: Знак образуется из шести корней и пишется древнееврейскими буквами. Заклинания, которые суть главный элемент в вызывании, составлены магами по взаимному соглашению с демонами, все же это подкреплено властью божественных имен, а сила заклинания состоит в магическом значении букв и чисел»*²¹.

Подобную каббалистическую осведомленность мы можем заметить и у других поэтов того времени. О. Деллавос-Кордовская рассказывает в своих воспоминаниях, что Гумилев, бывший большим поклонником Леви и лично знавший его ученика мага Папюса, *«...однажды очень серьезно рассказывал о своей попытке вызвать дьявола. Для этого надо было читать каббалистические книги, ничего не есть, а потом выпить какой-то напиток. Все товарищи скоро бросили эту затею, один Н.С. проделал все до конца и действительно видел в полутемной комнате какую-то смутную фигуру»*²².

Интерес Гумилева к книгам Леви и Папюса подробно проанализирован в работе Н.Богомолова «Гумилев и оккультизм». Однако Богомолов не акцентирует ту роль, которую знакомство с псевдокаббалистическими изысканиями Леви и его учеников могло сыграть в литературном творчестве самого Гумилева. Как пример влияния на творчество поэта оккультных теорий символизма и особенно теософии Блаватской Богомолов приводит стихотворение «Слово» – акмеистический манифест Гумилева. Можно спорить, однако, что связь слова и числа, равно как и их противопоставление как высшего и низшего уровней магического символизма, приведенные ниже, отражают основные идеи каббалистической теории Леви о магическом символизме языка.

*И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,*

²⁰ Гортунг, Л. "Неизвестный портрет Гумилева: из воспоминаний". М., 1996, с.59.

²¹ Брюсов В. "Огненный Ангел". М., 1995, с.317.

²² Богомолов Н. В кн.: "Русская литература начала XX века и оккультизм". М., НЛО, 1999, с. 125.

*Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умно число передает.*

В связи с этим необходимо привести и упоминаемую Богомоловым параллель между образом орла у Гумилева и орлом как символом евангелиста Иоанна, так как именно Евангелие от Иоанна вводит в христианскую символику образ Слова-Логоса, центральный для интерпретации христианской фантастической Каббалы.

Однако, несмотря на ту роль, которую сыграл Леви в становлении каббалистической символики русского серебряного века, прямое влияние на русскую богему начала столетия оказал не Леви, умерший в конце XIX в., а его ученики: некий Филипп и особенно Жерар Енкосс, известный под псевдонимом Папюс.

В этой работе мы уже упоминали Папюса, однако личность этого человека и его роль в истории русского оккультизма заслуживают особого анализа. Папюс был врачом, занимался животным магнетизмом, учился у Леви, а в 1888 году стал основателем Каббалистического ордена Розы и Креста. В 1907 году по совету Филиппа, который был в то время близок к царице, Папюс приехал в Россию с лекциями. Интерес русского общества к мистике ввел его в очень высокие круги, и как друг Филиппа он был принят при дворе.

В своих воспоминаниях французский дипломат М.Палеолог рассказывает забавную и весьма магическую историю о том, что напуганный революцией 1905 года Николай Второй стал расспрашивать Папюса о будущем России. В ответ Папюс проделал некие манипуляции с картами Таро и предрек Николаю смерть от рук революционеров. Однако в конце сеанса предсказатель успокоил царя, заверив, что только что создал каббалистическое заклинание, которое до самой смерти своего создателя будет препятствовать русской революции. Неожиданным для Палеолога стал тот факт, что Папюс действительно умер незадолго до Февральской революции – причем довольно молодым. Сам же Папюс через несколько дней после возвращения в Париж в частном разговоре охарактеризовал историю с заклинанием следующим образом: *«Эти люди сумасшедшие. Они верят в любую мистическую ерунду. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что эта страна обречена»*²³.

Папюс дважды посещал Россию, оба раза выступал с лекциями в Москве и Петербурге и был главным вдохновителем организации в столице Мистического Ордена Мартинистов, который в отличие от Ордена Мартинистов Н.Новикова, созданного на сто с лишним лет раньше, был не масонским, а оккультным. История этого ордена подробно описана в недавно вышедшей книге А.Серкова «История русского масонства: 1845-1945». За десятилетие с 1907 по 1917 практически все книги Папюса были переведены на русский язык, и каждый новый перевод встречал хвалебные рецензии в литературных журналах. Например, «Весы» ответили на перевод «Каббалы» рецензией, автор которой назвал книгу Папюса *«необходимой для любого вступившего на запутанную тропу древних тайных учений»*²⁴. Однако критические нотки прорывались даже в самых хвалебных отзывах. К примеру, в тех же «Весы» автор рецензии на перевод «Первоначальных сведений по оккультизму» заметил, что *«книга грешит поверхностным отношением к предмету, даже каким-то французским легкомыслием»*, хотя критик тут же добавил, что *«для истинного искателя не так важно, что Папюс спутал одну масонскую ложу с другой»*.

Однако ни рецензенты, ни широкая публика не подозревали, что Папюс грешит не только мелкой путаницей с ложами, он просто-напросто единолично придумал свое «тайное древнее учение», причем в полном соответствии с новейшими философскими теориями. Яркой иллюстрацией к этому утверждению служит теория Белой Расы, упоминающаяся Папюсом практически во всех его книгах по магии и Каббале. Согласно Папюсу, в мировой истории сменилось четыре основных периода цивилизации и существовало четыре расы – и Белой Расе как наивысшей стало доступно великое каббалистическое знание. Ведь именно Белая Раса несет в себе свет истинной мудрости, которая позволит ей владеть миром. По теории Папюса, среди тех, кто был у

²³ Палеолог, Морис. "Воспоминания". Париж, 1925, с. 103.

²⁴ Весы, 1907, вып. 3, с. 41.

истоков Белой Расы, стоят Зороастр, Моисей и Будда. Очевидно, что подобного утверждения нет и быть не могло в оригинальной еврейской Каббале. Зороастр наряду с Орфеем и Гермесом Трисмегистом часто упоминается как носитель тайного магического учения – как в фантастической Каббале, так и в общих герметических теориях эпохи Возрождения. Однако даже в христианской фантастической Каббале ни Гермес, ни Зороастр, ни Орфей не названы представителями «особой» Белой Расы. Подобные мысли скорее видны в популярнейших в начале XX века философских теориях Фридриха Ницше.

Папюс, как уже говорилось выше, широко выступал с лекциями. Но главным проповедником его идей в России стал не он сам, а рижанин Григорий Оттонович Мёбес, писавший под псевдонимом ГОМ и бывший одним из самых активных деятелей мартинистской ложи, основанной Папюсом в Петербурге. В 1911-1912 годах Мёбес прочел в Петербурге лекционный «Курс энциклопедии оккультизма», который практически во всем следует теории Папюса. Лекции эти пользовались очень большой популярностью, о чем свидетельствуют десятки воспоминаний и отзывов, многие из которых засвидетельствованы в уже упомянутой книге Серкова, а также в работах Н. Богомолова по истории русского оккультизма начала века.

В своем курсе Мёбес соединяет в единое целое Каббалу и карты Таро и строит лекции в соответствии с магическими каббалистическими «малыми арканами Таро». Каждой лекции соответствует один «аркан», которому, в свою очередь, согласно Папюсу и Мёбесу, соответствуют магическая каббалистическая сфера, определенная характеристика человека и астрологический знак. Увы – из лекций очевидно, что ни одного из подлинников Каббалы Мёбес скорей всего не читал и его представление об оригинальном каббалистическом учении более чем поверхностно. Например, описывая историю Каббалы, Мёбес составляет «Каббалистический Кодекс западной школы», в который входят у него следующие книги. Уже рассмотренная выше «Сефер Ецира», которую Мёбес приписывает Аврааму, хотя уже существовавшая в начале XX века датировка доказывает, что текст появился никак не раньше III в. н.э. Описание этой книги у Мёбеса дается следующим весьма туманным образом: «*«Сефер Ецира» – книга, содержащая взаимоотношения трех первичных причинностей, семи вторичных причинностей и зодиакального мира внешней реальности, спаянные унитарным мирозерцанием*»²⁵.

Дальше в списке стоит «Зохар». Мёбес «омолаживает» его на триста лет и утверждает, что книга появилась в 1559 году. Эта ошибка объясняется довольно легко: именно в середине XVI века выходят основные книги фантастической Каббалы ренессанса, и, очевидно, Мёбес в своем понимании Каббалы как магии объединяет философскую и магическую Каббалу в одно целое. Подтверждение этому можно найти и в том, что Мёбес доказывает, что «Зохар» был создан в Италии, а не в Испании. Причина такого переноса очевидна. Во-первых, именно Италия – колыбель культуры ренессанса – стала и колыбелью алхимических и магических штудий. Во-вторых, если исходить из даты 1559 г., то написать подобный труд мог кто угодно, только не еврей: дело в том, что к этому времени евреев в Испании практически не осталось, так как более чем за полвека до этого они были высланы по приказу короля. Более того, в начале XX века существовала теория, приписывающая авторство «Зохара» итальянскому каббалисту Аврааму Абулафии. То была одна из немногих известных фигур в еврейской Каббале, кого интересовала именно буквенная и числовая сторона учения. Абулафия имел друзей среди нееврейских философов, и, возможно, именно он повлиял на каббалистические взгляды Пико делла Мирандолы. Не исключено, что именно эта теория привлекла Мёбеса. Однако при внимательном прочтении философской доктрины «Зохара» очевидно, что взгляды и теории Абулафии имеют к этой книге минимальное отношение. Возможная вера Мёбеса в авторство Абулафии и в связь создателя «Зохара» с такими авторами фантастической Каббалы, как Пико делла Мирандола, только подчеркивает поверхностность взглядов Мёбеса на «Зохар» или даже открытое незнание с этим текстом.

Дальше в приводимом Мёбесом списке каббалистических книг стоит Библия, описываемая почему-то как «свод основных тезисов Теогонии, Андрогонии и магической Космогонии и часть Истории Цепной передачи Предания Белой Расы», а также Талмуд (здесь очевидно влияние «Протоколов Сионских мудрецов» и антисемитской литературы начала века, называющей Талмуд «книгой еврейской философии, задача которой – изменение мирового порядка»).

²⁵ Г.О.М. "Курс Энциклопедии Оккультизма". СПб., 1912, с. 117.

Завершают список «Ключики Соломона». Мёбес называет эту книгу *«практическим продолжением теории «Зохара»»*. Согласно Мёбесу, все книги, приведенные выше, *«позволяют адепту скреплять свои волевые импульсы формулами, связывающими его с Великой цепью Носителей и Хранителей Каббалы Белой Расы»*²⁶. Можно поспорить, что именно эти и им подобные утверждения и привели в конце концов к теории, популярной среди современных нам «патриотических движений» России, – теории, утверждающей, что сионисты считают себя Белой Расой и хотят завоевать мир. Однако интересно, что Мёбес совсем не склонен «принимать» в члены Белой Расы евреев. У него носителями каббалистического учения являются Зороастр, Кришна, Орфей и Гермес. И хотя ГОМ и говорит, что Каббала идет от Авраама и Моисея, он тут же сообщает, что сами евреи тайным знанием не обладают, так как Моисей был вынужден скрывать тайны магии от своего народа, ибо *«типичные, как мы знаем, отрицательные особенности еврейского народа вынудили Моисея к крайней строгости и ограниченной деятельности пентаграмматической воли каждой личности»*²⁷.

Очевидно, что большинство знаний Мёбес почерпнул из Мартинистских связей ордена Папюса. Формулировки, используемые Мёбесом, зачастую носят не мистический, но псевдомасонский характер. Таково, например, определение Бога как Великого Архитектора Природы. Большинство древнееврейских слов в лекциях извращено, и ошибки повторяют ошибки Папюса: например, слово нефеш (на иврите душа), т.е. человеческие страсти, которые противостоят в еврейской мистике мистическому духу человека (на иврите нашамма), у обоих – и Папюса, и Мёбеса – переводится как «разум». Но не только каббалистические или языковые, но даже и просто оккультные или масонские знания Мёбеса практически всегда поверхностны. Фразы его длинны и запутанны. Автор использует десятки псевдонаучных терминов. Однако масонские определения часто перепутаны и порой не имеют с масонством ничего общего, в то время как напрямую повторяют подобные ошибки в книгах Папюса. Очевидно, что каббалистическая теория Белой Расы, как и вся идея каббалистических арканов Таро, – поверхностная подделка, рассчитанная на публику, которая за туманом псевдонаучных фраз не разглядит отсутствия сути.

С той поры, как в России начал возрождаться интерес к оккультизму, прошло всего лишь сто лет, но сегодня мы стали свидетелями нового широкого интереса к оккультизму, магии и Каббале. И снова, как сто лет назад, большинство заинтересованных получают знания о философии Каббалы из трудов Папюса и подобных ему. Увы, именно книги и лекции Папюса и Мёбеса сформировали тот образ Каббалы, который признавался петербургской богемой столетней давности и который доминирует в умах русских критиков и поныне. Каббала Папюса и Леви – не более чем дешевая подделка, но эта подделка создала образ, без которого невозможно понимание литературы и культурной жизни начала прошлого столетия и которая для большинства умров оказалась столь привлекательной, что вытеснила оригинал.

Среди хасидских преданий есть история о трех студентах, решивших изучать Каббалу. Один из них стал великим мудрецом, философом и мистиком, известным честным и порядочным образом жизни. Другой сошел с ума. А третий – ничего не понял. К сожалению, моя статья – это история о том, как именно тот, кто ничего не понял, доказал другим, что ему-то и открыта правда.

Думается, наступило время вспомнить старую хасидскую историю и вернуться к оригиналу или обратиться к тем, кто действительно понял простую мораль еврейского мистицизма.

«Континент» 2001, №107

²⁶ Там же., с. 118.

²⁷ Там же., с. 158.